

# Содержание

|                          |     |
|--------------------------|-----|
| Предисловие автора ..... | 7   |
| Пролог .....             | 9   |
| Глава 1.....             | 17  |
| Глава 2.....             | 35  |
| Глава 3.....             | 47  |
| Глава 4.....             | 57  |
| Глава 5.....             | 73  |
| Глава 6.....             | 85  |
| Глава 7.....             | 95  |
| Глава 8.....             | 99  |
| Глава 9.....             | 111 |
| Глава 10.....            | 131 |
| Глава 11.....            | 145 |
| Глава 12.....            | 151 |
| Глава 13.....            | 163 |
| Глава 14.....            | 175 |
| Глава 15.....            | 179 |
| Глава 16.....            | 187 |
| Глава 17.....            | 195 |
| Глава 18.....            | 199 |
| Глава 19.....            | 217 |

|                    |            |
|--------------------|------------|
| Глава 20.....      | <b>225</b> |
| Глава 21.....      | <b>235</b> |
| Глава 22.....      | <b>249</b> |
| Эпилог .....       | <b>255</b> |
| Благодарности..... | <b>267</b> |
| Примечания .....   | <b>269</b> |
| Источники.....     | <b>273</b> |

## ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

**П**еред вами документальный роман, призванный перенести читателя в те дни, когда Робер де Ларошфуко сражался с нацистами в оккупированной Франции как диверсант и участник Сопротивления. В основу этой истории легло несколько источников, и в первую очередь — мемуары самого Ларошфуко «Свобода мне в радость: 1940–1946\*», опубликованные в 2002 г., за 10 лет до его смерти. Кроме того, семья Ларошфуко, с неизменной благосклонностью относившаяся к моей работе, поделилась со мной аудиозаписью, на которой Робер рассказывает детям и внукам о своей жизни и участии в войне. При этом я получил и DVD с документальным фильмом, режиссером, монтажером и продюсером которого выступил один из племянников Робера. Это настоящая сага об истории легендарной семьи, о родителях Робера, о его девяти братьях и сестрах, а главное — о мужестве, которое понадобилось самому главному герою в ходе войны. Эти бесценные материалы послужили прекрасной отправной точкой при написании книги. И аудиозапись, и фильм предназначались для семейного

---

\* Robert de La Rochefoucauld, *La liberté, c'est mon plaisir* (Paris: Perrin, 2002). Название книги содержит отсылку к семейному девизу Ларошфуко: «C'est mon plaisir», подразумеваемый смысл которого — «Мне в радость [служение королю]». — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

архива Ларошфуко, но дочь Робера, Констанс, любезно предоставила мне копии.

Я подолгу беседовал с ней и тремя ее братьями и сестрами об их отце — лично, по Skype, по телефону и электронной почте. Снова и снова я связывался с ними, хотя обещал уже не досажать расспросами, и всякий раз просил прощения за назойливость. Однако Астрид, Констанс, Ортанс и Жан всегда откликались на мои просьбы и охотно делились воспоминаниями. За это я им бесконечно благодарен.

Эта книга — результат четырехлетней исследовательской и журналистской работы в пяти странах. Я побеседовал с десятками людей, прочел около 50 книг на английском и французском языках, изучил тысячи страниц военных и исторических документов на четырех языках. И все же, во многом из-за секретного характера миссий Ларошфуко во время войны, порой приходилось полагаться лишь на его собственные свидетельства о тех или иных событиях — как на лучшие, а иногда и единственные описания событий. К счастью, его воспоминания удивительно яркие и прекрасно согласуются с известными историческими фактами о Франции того времени.

*Пол Кикс, январь 2017 г.*

## Пролог

Семья не уставала спрашивать его: почему? Как герой войны мог встать на сторону человека, которого называли предателем? Зачем было Роберу де Ларошфуко, кавалеру ордена Почетного легиона, рисковать своим добрым именем ради защиты Мориса Папона, обвиненного — спустя столько лет после войны — в пособничестве нацистам во время оккупации?

Эти вопросы витали в воздухе вплоть до февраля 1988 г., когда Ларошфуко начал давать свидетельские показания в ходе уголовного процесса, открывшегося четырьмя месяцами ранее, — процесса, которому суждено было продлиться полгода и стать самым долгим в истории французского правосудия\*.

Вошедший в зал суда Ларошфуко выглядел чрезвычайно элегантно. Его серебристые волосы только начинали редеть, и он по-прежнему зачесывал их назад. В свои 74 года он держался так, будто ему не больше 50. Иронический взгляд карих глаз, римский профиль — все выдавало в нем аристократа, привыкшего повелевать. Высоко подняв голову, он прошествовал

---

\* Рассказывая о фактах из жизни семьи де Ларошфуко и самого Робера де Ларошфуко, здесь и далее автор полагается на свои беседы с дочерьми Робера Астрид Гэньо и Констанс Гийомен, его сестрой Йолен, сыном Жаном, племянником (и неофициальным историком семьи) Николей де Шоненом. Кроме того, ряд сведений, не снабженных сносками в настоящем издании, автор почерпнул из аудиозаписи бесед с Робером и семейного фильма, не предназначенного для распространения (семья Ларошфуко любезно предоставила ему копию. — Прим. ред.).

к свидетельской трибуне и дал присягу, а затем вернулся на свое место, которому на время судебного разбирательства суждено было стать центром всеобщего внимания. Вид у него был на удивление невозмутимый. Даже на лице сохранялись следы бронзового загара — несмотря на хмурую французскую зиму. Годы, казалось, были не властны над его мужественной красотой — почти такой же ослепительной, как в первые послевоенные годы, когда он менял девушек как перчатки, пока не встретил Бернадетт де Марсье де Гонто-Бирон, свою будущую жену и мать его четверых детей.

На трибуне Ларошфуко предстал в зеленом твидовом пиджаке в клетку поверх светло-голубой рубашки с узорчатым коричневым галстуком. Такой наряд вполне подходил сельскому дворянину, приехавшему на день-другой в Бордо из Пон-Шеврона — родового гнезда с 30 спальнями и 27 гектарами земли в департаменте Луара в Центральной Франции. Он просто излучал харизму, сиявшую еще ярче на фоне сумрачной строгости стен зала суда. В тот день Ларошфуко затмил всех присутствующих.

Молва о его бесстрашии бежала впереди него, и суд — чуть ли не из любопытства — дозволил ему вступительное слово. Всем не терпелось узнать, почему не кто-нибудь, а Ларошфуко взялся защищать такого человека, как Папон. Ларошфуко кивнул подсудимому в темном костюме, отделенному от него пуленепробиваемым стеклом, и с некоторой досадой, которую выдавал изгиб губ, принялся вспоминать события полувековой давности.

«Прежде всего хочу сказать, что в 1940 г., несмотря на мою крайнюю молодость, я был против немцев, против Петена\* и против Виши. Я считал, что надо продолжать войну

---

\* Филипп Петен (1856–1951) — французский военный и государственный деятель, маршал Франции (1918). В 1940–1944 гг. возглавлял

с нацистами на юге Франции и в Северной Африке...» В то время Роберу было всего 16, и он происходил из семьи, люто ненавидевшей немцев. Его отец Оливье, боевой офицер, ветеран Первой мировой, в 1939 г. вновь поступил на службу. Через пять дней после заключения перемирия его арестовали нацисты — в том числе за попытку сражаться и после подписания злополучного договора. Мать Робера, Консуэло, возглавлявшую местное отделение Красного Креста, немецкие офицеры прозвали Грозной графиней.

На трибуне Ларошфуко почти не касался того, что последовало за вступлением немцев в Париж в 1940 г., — своих подвигов, которые принесли ему четыре боевые награды и звание кавалера ордена Почетного легиона. Вместо этого он сосредоточился лишь на одном эпизоде лета 1944 г. — на том, чему был свидетелем лично. Его показания в корне противоречили линии обвинения против Папона.

Морис Папон был чиновником в коллаборационистском правительстве Виши. Он дослужился до руководящей должности в департаменте Жиронда на юго-западе Франции, в юрисдикцию которого входил Бордо. Папону вменялось в вину, что на посту генерального секретаря префектуры Жиронды и куратора еврейских дел он визировал отправку восьми из десяти конвоев с еврейскими гражданскими лицами — сначала в лагеря для интернированных на территории Франции, а затем в концлагеря в Восточной Европе. В общей сложности вишистские чиновники Жиронды выслали 1690 евреев, среди которых было

---

коллаборационистское правительство режима Виши — марионеточного государства на территории Франции, сотрудничавшего с нацистской Германией. После войны был признан виновным в государственной измене, приговорен к смертной казни, но помилован де Голлем и осужден на пожизненное заключение.

223 ребенка. Папону предъявили обвинения в преступлениях против человечности.

Но подлинные подробности работы Папона на вишистский режим оказались куда более запутанными, чем картина, нарисованная обвинением. Несмотря на громкое название своей должности, Папон оставался лишь вишистским чиновником средней руки, далеким от рычагов власти. Впоследствии он утверждал, будто понятия не имел ни о пункте назначения вагонов для скота, в которых перевозили евреев, ни о том, какая участь ждала высылаемых на месте. Кроме того, сам приказ о депортации отдал Рене Буске, начальник национальной полиции Виши. Папон утверждал, что он просто выполнял приказы, будучи самым обычным бюрократом, которому, увы, пришлось подписывать распоряжения о высылке евреев.

Когда осенью 1997 г. против Папона начался судебный процесс, историк Мишель Берже, первым обнаруживший бумаги с его подписями, заявил суду, что больше не считает эти документы доказательством вины подсудимого. Даже два адвоката, представлявшие на процессе семьи жертв депортаций, признавались, что испытывают сильное чувство неловкости от необходимости обвинять этого человека.

Однако Робер де Ларошфуко располагал и другими сведениями, способными пошатнуть позиции обвинения в деле Папона. Он поведал суду, что летом 1944 г. примкнул к отряду Сопротивления под названием «Шарли». «Там были и евреи, — рассказывал Ларошфуко. — Увидев, как их много, я спросил, что они тут [в отряде] делают. Командир только пожал плечами: “Их предупредили в префектуре, что готовится облава”». Иными словами, эти люди были благодарны за спасительное предупреждение и обрадовались возможности вступить в ряды Сопротивления.

Ларошфуко познакомился и сдружился с Папоном в 1960-х гг. К тому времени Папон был уже префектом парижской

полиции. «Я узнал, что во время войны он служил в префектуре [Жиронды], — вспоминал Робер на суде, — и рассказал ему про тех евреев из “Шарли”. А он улыбнулся и сказал: “Да, в префектуре у нас все было хорошо отлажено”».

При всей своей героической биографии, на трибуне Ларошфуко признал: чтобы помочь Сопротивлению изнутри режима Виши, требовался «поистине колоссальный запас личного мужества»: «И мсье Папон, несомненно, один из таких смельчаков».

15 минут показаний — и вот уже судья зачитывает письменные свидетельства четырех других участников Сопротивления, чьи слова удивительным образом вторят Ларошфуко: да, Папону приходилось подписывать приказы о депортации, но он же помогал евреям избежать ареста! Роже-Самюэль Блох из Бордо, еврей и участник Сопротивления, писал, что с ноября 1943 по июнь 1944 г. Папон, рискуя карьерой и жизнью, не раз давал ему убежище.

Заседание отложили до утра. Ларошфуко вышел на улицу и окинул взглядом преобразившийся Бордо. Город, где больше не реяли флаги со свастикой. Где никто не гадал, кто донесет на тебя. Где прохожие не сжимались в страхе, заслышав за спиной зловещую поступь гестаповских сапог.

Как уместить в четверть часа всю тревогу, весь липкий страх оккупации, который пропитывал людей насквозь, словно едкий сигаретный дым переполненных кафе? Как объяснить всю неоднозначность и муки выбора тем, кто вырос в мирное время и привык делить мир на черное и белое?

Ларошфуко уже вышел за ограду здания суда, когда заметил, что к нему приближаются протестующие против Папона. Один подскочил совсем близко и плюнул ему под ноги. Ларошфуко смерил наглеца яростным взглядом, но не стал останавливаться.

Те, кто помоложе, — включая его собственных взрослых детей, племянников и племянниц, — не могли понять главного:

в суд Ларошфуко привело отнюдь не сочувствие к подсудимому, с которым он даже не был знаком во время войны. Он вышел на трибуну из верности братству — тем горсткам бойцов Сопротивления, что осмелились противостоять чудовищной машине нацистской оккупации. Они знали, каково это — отказывать себе во всем. Они видели самые чудовищные проявления варварства. Эти повстанцы, прошедшие через те же испытания, что и Ларошфуко, и выжившие назло всему, до сих пор понимали друг друга без слов. Их по-прежнему связывала незримая нить боевого товарищества, и никакие обвинения, даже столь тяжкие, как преступления против человечности, не могли разорвать эту связь.

Конечно, Ларошфуко не стал говорить всего этого вслух. Он вообще редко распространялся о своей роли в Сопротивлении. Даже когда на ветеранских встречах другие заводили речь о его подвигах, он неизменно отмалчивался. Отчасти из природной скромности, но больше оттого, что не хотелось бередить старые раны.

Вот и приходилось его детям, племянникам и племянницам довольствоваться обрывками случайно подслушанных историй о его легендарных свершениях. На протяжении всего детства, да и потом, в зрелом возрасте, они увлеченно обсуждали: действительно ли Ларошфуко случайно встретил Гитлера, а потом пробрался через немецкие линии, переодевшись монашкой? Действительно ли он улизнул от расстрельной команды, а однажды убил человека голыми руками? Действительно ли он прошел подготовку в секретном подразделении британских диверсантов, переломившем ход войны? Почти всю жизнь Ларошфуко оставался загадкой даже для своих близких.

А сейчас он садится за руль своего «ситроена», чтобы отправиться в пятичасовой путь до поместья Пон-Шеврон. Быть

может, однажды он все же решится рассказать, почему взялся защищать Папона. А по сути — о том, чему сам стал свидетелем на войне. И о том, почему сражался, когда это делали лишь единицы.

«Может, когда-нибудь и расскажу, — говорит он себе. — Но не сегодня».



# ГЛАВА 1

---

Не может отвечать за свою храбрость человек, который никогда не подвергался опасности.

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО. МАКСИМЫ\*

Было 16 мая 1940 г., когда с востока донесся странный звук. Робер де Ларошфуко был дома вместе с братьями и сестрами, когда услышал его: сначала низкое жужжание, с каждой секундой нарастающее, а затем — настойчивый злобный гул. Он прильнул к одному из высоких окон семейного замка Вильнёв, утопавшего в зелени огромного (14 гектаров) парка близ Суассона, в полутора часах езды к северо-востоку от Парижа.

На горизонте Робер увидел то, чего уже давно со страхом ждал.

Бесконечный рой самолетов, источающих угрозу. Вот они накрыли тенью городскую площадь Суассона. А вот от роя начали отделяться небольшие немецкие «юнкерсы» — одномоторные двухместные самолеты с характерно изогнутыми крыльями. Они казались Роберу хищными птицами — да так оно и было. Они ринулись вниз, и сирены под фюзеляжами исторгли пронзительный вой. Семья застыла у окон, оцепенев от увиденного и услышанного. А бомбы уже сыпались на землю: беспорядочно, безжалостно, разя Суассон

---

\* Пер. Э. Линецкой.

и подбираясь все ближе к замку. В тех местах, где они взрывались, в небо взлетали фонтаны земли, дерна и щепок. Раскаты чудовищных взрывов, такие же ужасающие, отдавались в груди у Робера глухими ударами. Мир за окном вдруг сделался громким и полыхнул огнем. И посреди этой какофонии раздался пронзительный крик матери: «Надо уезжать, надо уезжать!»

Вторая мировая война пришла в Суассон.

Формально она была объявлена восемь месяцев назад. Но по-настоящему бои начались лишь пять дней назад, когда немцы, обманным маневром оттянув силы союзников к бельгийской границе, прорвали линию обороны южнее — в Арденнах, густо заросших лесом холмах на северо-востоке Франции. Союзники считали эту местность слишком труднопроходимой для нацистского наступления. Что, разумеется, и послужило главной причиной, по которой немцы выбрали именно ее.

Три колонны немецких танков, змеившиеся на полтораста с лишним километров вглубь, вырвались из лесов. В последние несколько дней оборонявшим рубежи французским и бельгийским солдатам, многие из которых были всего лишь резервистами, довелось пережить настоящий кошмар — конечно, тем из них, кто вообще сумел его пережить. С неба их атаковали «юнкерсы», а на земле — бесчисленные чудовищные «панцеры». Великобритания отправила на помощь обороняющимся больше 70 бомбардировщиков, но немецкие истребители смяли их и почти уничтожили — 39 машин не вернулись на базу. Это были самые крупные потери за всю историю Королевских ВВС в операциях подобного масштаба.

На земле немцы стремительно пробили в обороне брешь шириной 50 км и глубиной 25. Но двинулись они не на юго-запад, к Парижу, как ожидало французское командование,

а на северо-запад — к проливу Ла-Манш. Туда, где можно было отсечь элитные части французов и британцев, увязшие в Бельгии. И после — взять всю Францию.

Суассон лежал как раз на пути этого северо-западного броска. Робер с шестью братьями и сестрами выскочили из дома: на улице леденящий душу вой пикирующих «юнкеров» звучал еще невыносимее. Бомбы падали на фабрики Суассона. Дети со всех ног кинулись к семейному седану, и мать, Консуэло, усадила всех в автомобиль. Старшему, 17-летнему Анри — на год старше Робера, — она велела гнать в Шатонёф-сюр-Шер в замок ее матери, герцогини де Майе, в 370 км к югу. Сама Консуэло решила остаться: как глава местного отделения Красного Креста, она должна была руководить действиями организации в департаменте Эна.

— Я вас догоню! — крикнула она Анри и Роберу.

Ее окаменевшее лицо ясно давало понять: спорить бесполезно. Она не могла допустить, чтобы ее дети — от четырех до 17 лет — сгинули в том же огненном блицкриге, что, возможно, уже поглотил их отца, 50-летнего Оливье, служившего офицером связи с британскими ВВС на франко-германской границе.

— Уезжайте! — приказала она Анри.

Дети отправились в путь под ничем не сдерживаемым градом бомб — самолетов союзников в воздухе почти не было. Впоследствии историки назовут эти дни Битвой за Францию, однако на деле французская военная авиация была рассредоточена по всей империи: лишь 25% самолетов базировалось на родине, и всего четверть из них находилась в составе действующих соединений. Таким образом, Суассон был почти беззащитен перед бомбежками. Непрекращающийся вой «юнкеров» и гулкое эхо взрывов гнали семейство Ларошфуко прочь — в бездумной, почти животной, панике.

Но движение на дорогах почти замерло. Немцы разбомбили вокзалы и многие мосты в Суассоне и окрестных городках. То и дело «юнкеры» на брющем проносились над потоком беженцев, поливая их пулеметным огнем. Младшие дети в машине Ларошфуко пронзительно визжали при каждой очереди, но пули, к счастью, ложились позади.

Пока они выбирались из зоны нацистского наступления, к процессии присоединялось все больше беженцев. То тут, то там у обочин стояли заглушенные автомобили. Некоторые семьи тащили за собой лошадей и ослов, навьюченных кое-как собранным скарбом. Дети Ларошфуко, прильнув к окнам, с потрясением взирали на эту сюрреалистическую картину. Исход, какого современная Франция еще не знала.

Пилот французской разведывательной авиации Антуан де Сент-Экзюпери наблюдал за этим исходом с воздуха. В книге «Военный летчик» он позже напишет: «В час, когда пресс бомбардировщиков всей своей тяжестью придавил города и заставил целый народ черным соком разлиться по дорогам. В час, когда Франция являет собой мерзкое зрелище развороченного муравейника...»\*

Часы утекали, дорога бесконечно стелилась впереди, и, хотя в вышине изредка раздавался вой пикирующих «юнкеров», семейство Ларошфуко уцелело — немецкие бомбардировщики спешили присоединиться к многочисленным эскадрильям, направлявшимся к Ла-Маншу. Новости были крайне скудными. Местные власти зачастую первыми спасались бегством. Люди привязывали к крышам автомобилей матрасы в надежде хоть как-то защититься от бомб. Но вскоре, как заметил Робер, матрасам нашлось более привычное применение: в первую ночь заторы на дорогах вынудили беженцев

---

\* Пер. А. Тетеревниковой.

устраиваться на ночлег где-то посреди бескрайних равнин Центральной Франции.

Рядом с дорогой вырастали импровизированные укрытия. Эхо бомбежек стихло, но Анри все равно велел младшим держаться вместе, когда они с затекшими ногами выбирались из машины. Анри, первенец и любимец семьи, отличался серьезностью и ответственно относился к учебе. А Робер был красивее: высокие скулы, черты лица, застывшие в легкой надменной гримасе, словно он вечно держал во рту сигарету. Ни дать ни взять французский кузен Кэри Гранта\*.

Но при этом — отчаянный сорвиголова. Почти ежегодно родителям приходилось переводить его из одного пансиона в другой. Братья понимали, что теперь им придется взять на себя родительские обязанности и опекать младших. Но на деле главную роль играл Анри. В конце концов, это ведь Робер однажды повис на парапете фамильного замка метрах в пятнадцати над землей — по малолетству и для острых ощущений. И он же как-то позволил себе произнести слово «дерьмо» прямо при бабушке Ларошфуко, чем привел братьев и сестер в неописуемый восторг.

Дети держались вместе: Анри и Робер, 15-летний Артюс и 13-летний Пьер-Луи, их сестра Йолен 12 лет. Младших, семилетнюю Кармен и Эмери, которому было всего четыре, еще не принимали в тесный круг старших. Их не звали гонять мяч с братьями и Йолен, и лишь изредка им случалось поплескаться вместе со всеми в реке Эна, огибавшей фамильную усадьбу.

У малышей была своя жизнь, и они не слишком вникали в переплетение симпатий и антипатий старших: в то, как Артюс тянулся к Пьеру-Луи больше, чем к Анри с Робером, или в то,

---

\* Кэри Грант (1904–1986) — знаменитый голливудский актер, воплощавший в 1940–1950-х гг. образ обаятельного и элегантного героя-любовника в романтических комедиях.

как братья, объединившись, частенько поддевали Йолен, единственную девочку, пока за нее не вступался Робер, порой пуская в ход кулаки. Словом, Роберу в семье досталась роль брата-шалопа с золотым сердцем...

Спустя годы он уже не мог вспомнить, как именно они провели ту первую ночь: то ли на одеялах, второпях брошенных Консуэло в багажник, то ли прямо на траве, под утешительным мерцанием звезд. Но в памяти отчетливо всплывало, как он шел среди огромного беспокойного людского роя. Люди устраивались на ночлег небольшими группами — на поле, которое, казалось, простирается под лунным светом до самого горизонта. Робер был напуган не меньше, чем окружавшие его скитальцы. Однако в шутках, которыми они перебрасывались, и даже в их молчаливой решимости он вдруг ощутил почти осязаемое чувство единения, разлитое в воздухе.

Вся предыдущая жизнь Робера не готовила его к этому чувству: он был дворянином, история его рода сплелась с тысячелетней историей Франции. Когда они всей семьей отправлялись на фешенебельные курорты Ниццы и Сен-Тропе, им и в голову не приходило воспользоваться общественным транспортом: зачем, если можно путешествовать в личном железнодорожном вагоне бабушки Ларошфуко — с четырьмя спальными купе, гостиной и столовой?

Однако ночной воздух и единение с соотечественниками всколыхнули в душе Робера чувство, похожее на то, что испытывал его отец 20 годами ранее, в окопах Великой войны. Там, среди солдат всех сословий, Оливье отринул последние пережитки монархизма и стал, по его собственному выражению, убежденным республиканцем. Глядя на костры и семьи, которые устраивались спать где попало и на чем попало, Робер почувствовал желание спасти La France от унижения, защитить ее — раз уж армия с этим не справилась.

Дети провели в пути четыре дня. Во время Битвы за Францию свои дома покинули около 8 млн человек — пятая часть населения страны. Шоссе были настолько перегружены, что лучшим средством передвижения стал велосипед: казалось, дороги французской провинции непонятным образом превратились в улицы Бомбея. Бросить машину и пойти пешком было бы быстрее, но Анри и слышать об этом не желал.

Тысячи родителей потеряли детей во время этого исхода на юг. Еще много месяцев газетные полосы пестрели объявлениями семей, которые разыскивали пропавших. Ларошфуко оставались в машине и всегда держались вместе. Понемногу они продвигались вперед — долгие часы ушли только на то, чтобы по одному из немногих мостов, которые немцы еще не разбомбили, пересечь Луару, огибающую юг Франции.

В небе больше не было «юнкерсов», однако дороги оставались такими же переполненными, как и прежде. Это паника, думал Робер. Не в его привычках было задумываться, но он прекрасно понимал ее причину. Людей гнало из домов не только нынешнее вторжение. Их гнало вторжение, которое стояло у них перед глазами последние 20 лет. Вторжение, которое они слишком хорошо помнили.

В Первой мировой войне погибло 1,7 млн французов — 18% всех, кто сражался. Больше, чем в любой другой развитой стране. Французская земля была ареной множества сражений. Битвы были настолько чудовищными, а разрушения настолько повсеместными, что казалось, будто война так и не закончилась. Семейное поместье Ларошфуко, Вильнёв, тоже стало полем боя: в ходе войны оно переходило из рук в руки 17 раз. Французы обороняли замок, немцы вели огонь с противоположного берега Эны. Вильнёв превратился в руины, соседнему Суассону повезло ненамного больше: город был разрушен на 80%.

Даже после того, как Ларошфуко заново отстроили поместье, на его фундаменте отчетливо виднелись характерные следы от тяжелых снарядов. Почва на всех 14 гектарах Вильнёва тлела еще семь лет после того, как ее изрыли минометными снарядами. Она дышала паром — слишком горячая, чтобы ее пахать. Даже в 1930-х гг. Робер не раз видел, как плуг останавливался и работник доставал из борозды похороненный в земле артиллерийский снаряд или ручную гранату.

Даже 1600-летний собор в Суассоне, где Ларошфуко иногда бывали на мессе, изрешетили пули и снаряды — от каменного фундамента до горделивых готических шпилей: где-то темнели шрамы от очередей, а иные раны были сквозными. (На фасаде собора до сих пор видны эти шрамы.) Такие же отметины носили и магазины по всей округе, а многие ветераны войны, включая и отца Робера, вернулись домой с увечьями. После ранения лодыжки, полученного в 1915 г., Оливье сильно хромал. Последствия войны мешали даже его увлечениям — отправляясь на охоту, он теперь брал с собой жену. Пока муж высматривал дичь, Консуэло держала ружье: лишь заметив добычу, он на миг отбрасывал трость, чтобы прицелиться и сделать выстрел.

Оливье еще повезло. Иных ветеранов война изуродовала настолько, что они отказывались появляться на людях.

«Все детство я слышал беседы взрослых о Великой войне, — вспоминал Робер много лет спустя. — Родители, бабушки и дедушки, дяди — о ней говорили все». И хотя эта тема постоянно всплывала в разговорах, Оливье редко касался сути — тех четырех лет, проведенных на фронте. Он служил офицером артиллерии, и в его обязанности входило корректировать огонь батареи: следить, как снаряды ложатся на немецкие позиции, и передавать, нужно ли взять выше или ниже. Оливье не распространялся и о более личных подробностях военной жизни,

как делали другие ветераны в мемуарах: о том, как во время наступлений приходилось идти по трупам погибших товарищей, о безумии, которое охватывало от долгого сидения в окопах. Оливье бродил по коридорам замка Вильнёв, ведя какой-то личный и почти непрерывный разговор с призраками прошлого.

Он не был слишком вовлеченным отцом, ограничиваясь наставлениями, что «плакать стыдно», и находил утешение лишь в красоте природы. После войны Ларошфуко-старший получил юридическое образование, однако не завел практику: в детских воспоминаниях Робера отец всегда был типичным сельским дворянином. Больше всего Оливье оживлялся, рассказывая о георгинах, которые разводил в саду.

Консуэло, потерявшая на фронте двух братьев, была куда более прямолинейна. Она велела детям никогда не покупать немецкие товары и не позволяла дочерям изучать этот «грубый» язык. Даже общественная работа Консуэло постоянно напоминала ей о прошлом: возглавляя местное отделение Красного Креста, она посвящала почти все свое время помощи семьям, чьи жизни перевернула война\*.

Семья Ларошфуко не была исключением: Великая война изуродовала прошлое большинства французов, и мало кто мог отделаться от этих воспоминаний. Сама французская армия была настолько деморализована, что бездействовала перед лицом растущей мощи Гитлера. В 1936 г. армия фюрера вновь оккупировала Рейнскую область\*\*, нарушив договоры, заклю-

---

\* Дневники Консуэло де Ларошфуко отражают ее самоотверженную работу в Красном Кресте. Об этом рассказывал мне и Никола де Шонен. — *Прим. авт.*

\*\* Рейнская область — регион на западе Германии, расположенный вдоль реки Рейн и граничащий с Францией, Бельгией и Люксембургом. После Первой мировой войны демилитаризованная Рейнская область находилась под оккупацией войск Антанты.

ченные по итогам Первой мировой, — без боя, не встретив ни малейшего сопротивления. Между тем Франция располагала сотней дивизий, а ослабленная армия Третьего рейха смогла выставить на Рейне только три батальона. Позднее генерал Альфред Йодль, начальник оперативного штаба германских вооруженных сил, вспоминал: «Учитывая наше положение, французские силы прикрытия могли разнести нас в пух и прах». Однако, несмотря на подавляющее превосходство в численности, французы так ничего и не предприняли, позволив Германии вернуть контроль над Рейном. С того дня Гитлер больше не считался с Францией.

Военная мощь Германии росла: новая война казалась неизбежной, но французы гнали от себя саму мысль о ней, еще не оправившись от пережитого в прежней бойне. В 1938 г. французские парламентарии подавляющим большинством (537 против 75) проголосовали за Мюнхенское соглашение, по которому Гитлеру отходила часть Чехословакии. В то же время писатель Жан Жионо, ветеран Первой мировой войны, утверждал, что война бессмысленна, призывая солдат дезертировать, если она вдруг начнется. «Нет никакой доблести в том, чтобы быть французом, — писал Жионо. — Есть лишь одна доблесть: остаться в живых». Леон Эмери, учитель начальной школы, опубликовал в газете колонку, ставшую в конце 1930-х гг. своеобразным девизом для многих: «Лучше рабство, чем война».

Этот отчаянный пацифизм царил в умах многих европейцев и после начала новой войны. Осенью 1939 г., после того как Великобритания и Франция объявили войну Германии, американский журналист Уильям Ширер проехал на поезде вдоль участка франко-германской границы протяженностью около 160 км: «Ребята из поездной бригады говорят, что на этом фронте не было сделано ни одного выстрела... Войска... занимались своими делами [строительством укреплений] на виду

и в пределах досягаемости друг друга... Немцы подвозили по железной дороге оружие и боеприпасы, но французы их не трогали. Странная война».

Поэтому в мае 1940 г., когда в небе с воем пронеслись немецкие самолеты, многие французы увидели не просто новый способ ведения войны — крылья пикирующих «юнкерсов» оживили для них кошмары последних 20 лет. Именно поэтому детям Ларошфуко потребовалось целых четыре дня, чтобы добраться до бабушки: страшные воспоминания лишь усиливали панику населения из-за гитлеровского блицкрига. «Нам еще повезло, что мы приехали так быстро», — вспоминала позже Йолен, младшая сестра Робера.

**П**оместье бабушки Майе возвышалось над городком Шатонёф-сюр-Шер. Этот трехкрылый замок с обширными владениями был жемчужиной и центром притяжения всей округи. Потрясающий, почти нереально величественный шестиэтажный особняк насчитывал шесть десятков комнат, включая чуть ли не 30 спален, три салона и картинную галерею. Дети Ларошфуко, привыкшие к роскоши, обожали сюда приезжать. Однако в этот весенний день радость встречи довольно быстро сменилась всепоглощающей усталостью. Утомительное путешествие вымотало и детей, и ожидавшую их бабушку. Хуже того, радио то и дело сообщало об очередных военных успехах немцев, заставляя всех снова и снова тревожиться.

В ту же ночь 2-я танковая дивизия вермахта достигла Аббевиля в устье Соммы, на побережье Ла-Манша. Лучшие части союзников, все еще находившиеся в Бельгии, оказались в ловушке. В голосах радиодикторов зазвучали панические нотки. У нацистов появился опорный пункт в глубине страны: за все четыре года Великой войны немецкой армии не удалось продвинуться так далеко. Теперь она затратила на это всего 10 дней.

Через несколько дней Консуэло воссоединилась с семьей. Она рассказала детям, как едва не погибла. Ее машина, представленная Красным Крестом, попала под немецкую бомбежку. Ее самой в машине не было, но это подстегнуло ее отъезд. Консуэло раздобыла у местного чиновника другой автомобиль и погрузила в него фамильные ценности: она была уверена, что немецкие бомбардировки продолжатся и поместье Вильнёв вновь будет разрушено.

Пострадали и помещения, где она работала. «Вот и все. Окон больше нет, от дверей одни воспоминания, — писала Консуэло в дневнике 18 мая, сидя за столом в местном отделении Красного Креста. — Две бомбежки в течение дня. Вокзал почти не работает. Придется отложить [этот дневник] до лучших времен».

Но и после воссоединения с детьми «лучшие времена» не настали. Радио в замке не умолкало, и вести были безрадостными. 3 июня три сотни немецких самолетов разбомбили заводы «Ситроен» и «Рено» на юго-западной окраине Парижа: погибло 254 человека, 195 из них — мирные жители. Парижане толпами покидали город, по улицам богатейших кварталов Парижа бродили мычащие коровы. С забитых до отказа вокзалов поезда отправлялись в никуда — лишь бы уехать. 10 июня правительство эвакуировалось на юг Франции, куда уже устремилось и все остальное население, а Париж был объявлен открытым городом — французские военные не собирались его защищать. Нацисты вошли в город в полдень 14 июня.

В тот день Робер и вся семья сгрудились у радиоприемника в салоне бабушкиного замка. С побелевшими лицами они выслушали сообщение: Париж покинули около 2 млн человек. Столица обезлюдела и притихла. А потом хлынул поток новостей: нацисты прорвались через западные кварталы и движутся вдоль Елисейских Полей; колонны танков, бронемашин и моторизованных пехотных соединений беспрепятственно идут по Парижу...

Лишь немногие французы наблюдали за этим движением с бульваров или через витрины лавок, еще не заколоченных. Затем на Эйфелевой башне взвился флаг со свастики.

И по-прежнему не было никаких вестей от Оливье, чье подразделение находилось где-то на франко-германской границе. Консуэло, эта уверенная в себе и сильная духом женщина, привыкшая сама крутить папиросы из кукурузных листьев, теперь выглядела встревоженной даже при детях: прежде они никогда не видели ее такой хрупкой и уязвимой. Она не скрывала огромного беспокойства и за страну, и за мужа. Между тем новости становились все хуже. Маршал Филипп Петен, возглавивший правительство Франции, 17 июня выступил с радиообращением к нации. «Сегодня я с тяжелым сердцем вынужден сообщить, что мы должны попытаться прекратить военные действия», — произнес он.

Робер вздрогнул, услышав эти слова. Неужели Петен, легендарный герой битвы при Вердене\* времен Великой войны, почти мифическая фигура, просит о перемирии? Неужели чело-век, который когда-то победил немцев, теперь готов капитулировать перед ними?

Война так и не докатилась до замка бабушки Майе, расположенного в 270 км к югу от Парижа, и в последующие дни семья все реже слышала тревожные новости с фронта. Однако отсутствие новостей само по себе настораживало. Это означало, что солдаты подчинились приказам Петена. Официально капитуляция была оформлена 22 июня: правительства обеих

---

\* Битва при Вердене (21.02–18.12.1916) — одно из самых длительных и кровопролитных сражений Первой мировой войны между Германией и Францией. Несмотря на 10 месяцев ожесточенных боев и огромные потери с обеих сторон (около 700 000 убитых, раненых и пропавших без вести), Германия не смогла добиться значительного продвижения. Верден стал символом стойкости французских войск.

стран согласились подписать перемирие. В этот день Ларош-фуко вновь собрались у радиоприемника, гадая, как теперь изменится их жизнь.

Гитлер настоял, чтобы перемирие было подписано там же, где и предыдущее, — в железнодорожном вагоне в Компьенском лесу. Казалось, Великая война не закончилась и для него. Погожим летним днем в 15:15 Гитлер прибыл на своем «мерседесе» в сопровождении высших генералов и направился к поляне в лесной чаще. Он взошел на гранитную плиту-монумент с гравировкой на французском языке: «Здесь 11 ноября 1918 г. пала преступная гордыня Германской империи, побежденная свободными народами, которых она пыталась поработить».

Журналист Уильям Ширер стоял в каких-нибудь 50 м от фюрера. «Я вглядываюсь в лицо Гитлера, — писал он позднее. — Оно пылает презрением, гневом, ненавистью, выражением свершившейся мести, триумфом. Он спрыгивает с монумента, чтобы даже это наполнить образцовым пренебрежением... Он упирает руки в бока, горделиво расправляет плечи, широко расставляет ноги. Это великолепная поза... жгучего презрения к этому месту и всему тому, что оно символизировало последние 22 года — с тех пор, как здесь было закреплено унижение Германской империи».

Затем прибыла французская делегация. Офицеров возглавлял генерал Шарль Хюнтцигер, командующий 2-й армией под Седаном\*. Было видно, насколько унижительно для французов подписывать перемирие именно здесь.

---

\* Разгром 2-й французской армии под Седаном (12–15.05.1940) — ключевой эпизод Бельгийской операции. Немецкие танки прорвали оборону французов на реке Маас, что открыло нацистам путь на Париж и предопределило падение Франции.

Гитлер уехал сразу же после того, как генерал Вильгельм Кейтель, его старший военный советник, огласил преамбулу. Условия перемирия были многочисленными и жесткими. Они предусматривали демобилизацию и разоружение французского военного флота, возвращение кораблей в порты во избежание их перехода на сторону Великобритании, расформирование армии и едва оперившихся ВВС, сдачу немцам оружия и всех видов вооружений. Нацисты брали на себя контроль над всей территорией страны, однако французам позволялось самоуправление в южной части — так называемой свободной зоне: она не была оккупирована немецкими войсками, и там обосновалось новоиспеченное временное правительство Франции. Париж и вся Северная Франция относились к зоне оккупации, с ограничением передвижения и гораздо более тяжелыми условиями жизни из-за нормирования продовольствия и прочих притеснений.

Раскол страны надвое с разрешением французам управлять южной частью впоследствии назовут одним из самых блестящих политических ходов Гитлера. Предоставив Франции суверенитет на юге, он помешал политическому и военному руководству бежать из страны и сформировать правительство в изгнании на территории французских колоний в Африке — там, где Гитлер еще не разгромил французские войска и где можно было бы продолжать борьбу.

Но в тот день из радиоприемника до семьи Ларошфуко донеслось лишь известие о разделе страны, которую веками строили ее предки. Хуже того, весь Париж и поместье Вильнёв к северу от него оказались в зоне оккупации. Семье предстояло стать узниками в собственном доме. Слушая условия перемирия, разносимые радиоволнами, гордая Консуэло уже не пыталась сдерживать рыдания. «Я впервые увидел, как мать плачет над судьбой нашей бедной Франции», — писал впоследствии

Робер. Глядя на нее, плакали и сестры Робера, и некоторые из его братьев. Однако сам Робер испытывал только жгучий стыд.

«Я не мог с этим примириться, просто не мог», — писал он позднее. Решимость, пробудившаяся в нем под звездным небом, когда он ночевал среди других беженцев, теперь разгоралась с новой силой. В свои 16 лет, снедаемый гордостью и идеализмом, он воспринял капитуляцию как предательство. И на это предательство пошел французский маршал Петен, герой, всего 24 года назад разгромивший немцев под Верденом! «Чудовищно», — записал Ларошфуко в своем дневнике.

В дни, последовавшие за перемирием, внимание Робера привлек еще один голос из радиоприемника. Этот голос принадлежал Шарлю де Голлю, самому молодому французскому генералу, который покинул страну и отправился в Лондон 17 июня — в тот самый день, когда Петен предложил прекратить огонь. Каким бы нелегким ни было это решение (де Голль воевал под началом Петена в Первую мировую и даже был негласным соавтором одной из его книг), он собрался быстро, взяв с собой лишь пару брюк, четыре чистые рубашки и одну семейную фотографию. Обосновавшись в Лондоне, де Голль начал обращаться к соотечественникам в передачах французской службы Би-би-си. Эти выступления довольно быстро обрели скандальную славу, поскольку де Голль резко критиковал политическое и военное руководство Франции, а также настойчиво требовал продолжать войну, несмотря на перемирие. «Я, генерал де Голль... призываю французских офицеров и солдат, которые окажутся на британской земле, с оружием или без, присоединиться ко мне, — заявил он в своем первом выступлении. — Что бы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно угаснуть, и оно не угаснет». Свое движение де Голль назвал «Свободная Франция».

Штаб-квартира движения располагалась в Лондоне, но его участники должны были вести борьбу на всей территории Франции.

Робер де Ларошфуко слушал де Голля изо дня в день. И, хотя прежде он был довольно беспечным студентом, теперь перед ним забрезжила цель, способная определить его юную жизнь.

Отправиться в Лондон и присоединиться к «Свободной Франции».



## ГЛАВА 2

---

Семья вернулась в Суассон. Город был неузнаваем: одни лавки стерты с лица земли немецкими бомбами, другие разграбили немецкие солдаты. В окно автомобиля Робер видел полуразрушенные дома и тротуары, заваленные обломками строений и разбитых надежд их обитателей. Разрушено было не все — там и сям виднелись уцелевшие дома и магазины. Но эта избирательность лишь усугубляла ужас случившегося.

На подъезде к родным местам машина семьи Ларошфуко свернула на знакомую уединенную аллею на окраине Суассона. Робер увидел все те же ряды каштанов, которые прорезала узкая дорожка, вымощенная кирпичом. Автомобиль сбавил ход, повернул налево и покатил дальше, подпрыгивая на неровностях. Дубовые и липовые рощи мешали обзору, дорожка петляла то вправо, то влево, и машину постоянно трясло. Наконец показался просвет.

Величественный замок Вильнёв по-прежнему возвышался над окружающим пейзажем: неоклассический облик, кирпичный фасад, белокаменная отделка. Этот роскошный особняк семья Ларошфуко купила в 1861 г. у дочери одного из наполеоновских генералов. Солнечные лучи все так же заглядывали в окна северного крыла, заливая своим приветливым сиянием внутреннее убранство и все 47 комнат замка. Однако на круговой подъездной дорожке у дома они увидели нечто непривычное.

Немецкие военные автомобили.

Судя по бронемашинам и грузовикам, припаркованным как придется, по-хозяйски, немецкие солдаты уже вполне освоились в доме Ларошфуко. Но и это было еще не самое ужасное: чуть присмотревшись, семья увидела, что у замка нет крыши.

Господи, думал Робер, пытаюсь осмыслить происходящее.

Ошарашенно озираясь, дети сбились в кучку на подъездной дорожке. Затем, не зная, что делать дальше, семья направилась к парадной двери.

Открыв ее, Консуэло и ее дети увидели знакомую каменную лестницу, ведущую из фойе в зал. Но теперь по ней сновали немецкие офицеры, едва удостоившие вниманием прибытие хозяев. Нацисты и впрямь реквизируют Вильнёв, как и многие другие дома и муниципальные здания, рассчитывая, что они послужат командными пунктами оккупационных войск или передовыми базами для предстоящей битвы Германии с Великобританией. Равнодушные взгляды немцев дали семье понять, что замок ей больше не принадлежит. «Мы были совершенно беспомощны», — вспоминал позже Робер.

Консуэло решила показать детям, что немцы — лишь временная и, значит, заурядная деталь их мира. Поэтому она велела им не обращать внимания на присутствие офицеров. Робер даже не записал у себя в дневнике, кто эти немцы, как они выглядят и кто у них главный. Но общие молчаливые договоренности между ними и нацистами он и его братья и сестры все же отметили. Хотя и неохотно, немцы все же потеснились. Они заняли одну половину замка, предоставив семье Ларошфуко другую. На втором этаже офицеры облюбовали большой зал с окнами во всю стену, смотревшими на великолепный ухоженный парк, и столовую, рассчитанную на 20 человек. Семье достались другой салон, где в свое время принимали знатных гостей

и обсуждали приход Гитлера к власти, и уютная гостиная с креслами, книжными шкафами и фамильным гербом над камином. Герб Ларошфуко изображал красивую женщину с ведьминым хвостом: она как бы призывала членов семьи жить полной жизнью и наслаждаться всеми ее радостями. Третий и четвертый этажи — детские спальни и игровые комнаты, а также помещения для прислуги, рассчитанные на 12 человек, — поделили так же: немцы — на одной стороне, бывшие хозяева — на другой. (Сестра Робера Йолен рассказывала мне, что дом порой походил скорее на посольство.)

За Робером осталась его прежняя спальня — просторная, с пятиметровыми потолками, отдельной ванной и камином. Но он не мог выносить гулкий топот сапог нацистов, таскавшихся по каменной лестнице между вторым и третьим этажами. Ему казалось, что этот топот звучит как насмешка.

Семья не садилась за один стол с немцами — Консуэло и дети обустроили себе новую столовую в салоне. Главную винтовую лестницу приходилось делить с незваными гостями, но ни сами Ларошфуко, ни прислуга не вступали с немцами в разговоры, а немцы обращались только к Консуэло — как к матери семейства и главе местного отделения Красного Креста.

Отношения Консуэло с офицерами-оккупантами были, мягко говоря, непростыми. Вскоре они даже прозвали ее Грозной графиней.

И легко понять почему. Консуэло сама строила этот дом. Когда после Великой войны она, пухленькая девушка, скорее уверенная в себе, чем хорошенькая, вышла замуж за Оливье, то, лишь взглянув на руины родового гнезда Ларошфуко, заявила мужу, что хочет, чтобы восстановленный замок выходил окнами не на восток и запад, как это было на протяжении веков, а на север и юг. Так в комнаты будет проникать больше